

■ ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ

АНКЕРСМИТ Ф. НАРРАТИВНАЯ ЛОГИКА. СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА ИСТОРИКОВ / ПЕР. С АНГЛ. О. ГАВРИШИНОЙ, А. ОЛЕЙНИКОВА; ПОД НАУЧ. РЕД. Л.Б. МАКЕЕВОЙ. М.: ИДЕЯ-ПРЕСС, 2003. – 360 с.

Имя голландского философа Франка Рудольфа Анкерсмита известно в России в основном историкам и ассоциируется с понятиями постмодернизма, лингвистического и нарративного поворотов, суть которых в историческом контексте состоит в том, что прошлому отказывается в самостоятельности и признается его невозможность вне нарратива. Прошлое уже не рассматривается как референт исторических повествований: оно ни в каком виде не может быть дано историку — прошлая реальность не проецируется, а непосредственно *конструируется* в нарративе. Соответственно ключевые вопросы, на которые пытается ответить автор книги, следующие: что представляет собой историческое повествование? какова его структура? каким образом оно позволяет познавать прошлое? насколько реальность, предстающая в рассказе историка, соответствует прошлому, существует ли прошлое вне и без повествования историка? В целом книга позволяет понять суть и результаты «нарративного поворота» в методологии социогуманитарного знания.

Повествование Анкерсмита, с одной стороны, структурировано в соответствии с рассматриваемой и разрабатываемой автором терминологией нарративистской философии истории; с другой стороны, его тематические блоки не развертываются последовательно в каждой следующей главе, а закручены в своеобразные «герменевтические» круги, что несколько затрудняет восприятие текста. Поэтому имеет смысл выделить содержательные доминанты предложенной автором версии нарративистской философии истории.

Во **введении** Анкерсмит контекстуализирует свою работу, отнеся ее к области *философии истории* и задав координаты этого философского «измерения». Философия XX века характеризуется автором как

преимущественно философия языка, высказывания или суждения — она практически не рассматривала проблемы текста или повествования, анализируя соотношение языка и мира с точки зрения критериев, которым должен отвечать язык, чтобы сообщение стало истинным. «Простейшим строительным блоком в нашем знании о мире стало единичное высказывание» (с. 8), и в той или иной мере удовлетворительное решение логических проблем с истинными единичными высказываниями предположительно снимало необходимость рассматривать повествование (совокупность единичных высказываний). По мнению Анкерсмита, подобная логика рассуждений совершенно не приемлема для исторической науки: как только речь заходит об историческом сочинении, решение вопроса об истинности единичных высказываний становится недостаточным для оценки достоверности нарратива.

Исторические повествования — всегда *репрезентации прошлого*, а логика репрезентации не может быть понята на основе логики истинного единичного высказывания. В последнем истинность достигается за счет наличия двух компонентов — референции и предикации, выделить аналоги которых (обозначение исторического явления и того, что приписывает ему определенные свойства) в историческом нарративе невозможно. Наличие в историческом повествовании элемента неопределенности и требует, по Анкерсмицу, решения целого ряда философских проблем, которые не возникают или несущественны в рамках эпистемологического анализа истинного единичного высказывания.

Выявленная неопределенность отношения нарративной репрезентации (исторического повествования) к тому, что она репрезентирует (прошлой реальности), может быть выражена в понятии *метафоры*. Метафорическое измерение гарантируется не только самим отбором единичных высказываний, но и их порядком, который нельзя изменять произвольным образом. Иными словами, любое историческое повествование оказывается возможным и необходимым рассматривать в двух перспективах — как совокупность, или даже перечень, истинных высказываний о мире (буквальное измерение) и как некое целое (метафорическое измерение). Успешность конкретного нарратива гарантируется преобладанием метафорики над буквальностью, когда достигнутое понимание прошлого не сводится к тому, что конкретно о нем говорится. Соответственно главное упущение традиционной философии истории Анкерсмит видит в игнорировании существенной проблемы интерпретации данных, полученных в историческом исследовании. Фактов, свободных от нарративной интерпретации, в историческом повествовании нет — этот тезис аналогичен тезису о «теоретической нагруженности эмпирических фактов» в социологии.

Обращение к концепту нарратива показывает, что демаркационные линии между исследователем и обычным человеком становятся достаточно условными. Речь идет не только о том, что нарративы формируют все повседневное и институциональное научное общение — базовые основания получения нового знания здесь вполне сопоставимы. Действительно, историческое письмо мало чем отличается от повседневных разговоров в том смысле, что число сообщаемых фактов в обоих случаях обычно невелико: 90% человеческого общения — «бесконечные вариации на давно известные участникам разговора темы» (с. 199). Новые и плодотворные прочтения прошлого достигаются за счет нетривиального «иллюстративного» применения уже известных фактов, более того, сам отбор фактов призван не столько сообщить информацию, сколько сформировать определенную точку зрения для восприятия реальности.

Для достижения поставленной цели — «возведения здания нарративистской философии, достаточно прочного и устойчивого для того, чтобы выдержать груз историографической практики» [с. 13] — Анкерсмит считает первостепенным формулировку правильных вопросов, а не поиск ответов на них, однако предлагает ряд элементов необходимой для этого «нарративной структуры», на которые условно распадается его книга. В **первой части** (три главы) описано проблемное поле исследования. Во-первых, Анкерсмит дает *определение исторического нарратива* как особого повествовательного жанра, историографическая презентация прошлого в котором коренным образом отличается от всех форм повествовательной литературы, в частности, от ближайшего собрата нарратива — исторического романа (с. 38-48): нарратив всегда сохраняет верность фактам и нацелен на построение осмысленной картины прошлого, отражающей действительные вещи и события; автор нарратива создает историческое знание, объясняя его и аргументируя, автор исторического романа применяет обобщенное историческое знание к одной или нескольким (воображаемым) ситуациям, предлагая взглянуть на прошлое глазами живших в нем (вымышленных) людей. Исторический язык рассматривается автором как прототип всех повествовательных жанров просто потому, что для создания мифов, поэзии и художественной литературы люди должны были сначала научиться говорить о своем личном или коллективном прошлом (с. 22).

Во-вторых, Анкерсмит обосновывает преимущество логического подхода к нарративу перед психологическим: первый подход убедительно показывает, что нарратив не может рассматриваться как некий «посредник» между прошлой реальностью и нами сегодняшними, потому что мы обладаем знанием прошлого именно в том виде, как оно выражено в нарративном языке.

Далее Анкерсмит разводит понятия *исторического исследования*, задача которого — максимально точное установление исторических фактов, и *нарративного написания истории*, или нарративной интерпретации фактографической канвы событийного ряда. Апеллируя к предложенному Л.Дж. Голдстейном различию «суперструктуры» (формы исторического описания) и «инфраструктуры» (совокупности исследовательских приемов изучения прошлого), он выражает несогласие с расставленными Голдстейном приоритетами. Действительно, для философии истории первостепенное значение имеют не столько методы исторического исследования, сколько нарративная форма представления его результатов, позволяющая понять природу исторического знания. С некоторыми оговорками Анкерсмит принимает и теорию историзма: по его мнению, если очистить ее от всех метафизических наслоений и превратить традиционный историзм из теории исторических объектов в теорию исторического письма, то будет сформирована «самая замечательная философия истории, которую только можно себе представить» (с. 178). Иными словами, речь идет о том, что философия истории должна сконцентрироваться на изучении не системных концепций исторического развития отдельных обществ, а на том, каким образом, оперируя зачастую весьма схожими единичными высказываниями, историки формируют различные нарративные интерпретации прошлых событий.

В условной **второй части** книги (с четвертой по седьмую главы) сформулированы «три кита» нарративистской философии:

1. Отказ от «*нарративного реализма*», потому что ни одно повествование не является «картиной» прошлого и историк не воссоздает, а конструирует «исторический ландшафт» (с. 128), в пользу «*нарративного идеализма*», провозглашающего автономность нарратива, где прошлое описывается с помощью сущностей, не имевших реального статуса («промышленная революция», «Ренессанс», «Просвещение» и т. д.). Параллельно Анкерсмит проводит различие *нарративного* и *научного знания*: элементарными компонентами первого являются высказывания, второго — части высказываний (научная терминология).
2. Определение основополагающего понятия нарративной историографии — в качестве таковой выступает «*нарративная субстанция*» (очень напоминающая «идеальные типы» М. Вебера), которая не отсылает к реальности, а дает ее общую интерпретацию через описание в единичных высказываниях.
3. Постулирование *сходства метафоры и нарратива* как заданных «перспектив» видения реальности: само по себе прошлое не структурировано — структуры появляются только в самом нарративе, благодаря наличию в нем метафорического измерения.

По сути, в работе Анкерсмита речь идет о втором уровне конституирования (прошлой) социальной реальности: первый уровень задается «проговариванием» событий и наделением их статусом фактов; второй уровень — избранными историком понятийными «одеяниями», маскарадом нарративных сущностей («социальная группа», «интеллектуальное движение» и т. д.).

Во второй, основной, части книги Анкерсмит решает два ключевых для нарративистской философии истории вопроса — каким должен быть *идеальный нарратив* и каковы *критерии его истинности*. Для решения первого вопроса он рассматривает целый ряд попыток сформулировать определение идеального нарратива на основе априорных интуитивных представлений и абстрагирования от свойств реально существующих повествований. Анкерсмит приходит к выводу, что попытки эти столь же бессмысленны, как дискуссии об «идеальном человеке», и последовательно отвергает все известные установочные дефиниции идеального нарратива (с. 52-89):

– «Идеальный нарратив содержит ответы на все вопросы, которые могут возникнуть по отношению к его предмету»: по мнению Анкерсмита, нарратив должен отвечать только на все *свои* внутренние (вызываемые предлагаемой им интерпретацией), а не внешние вопросы, которые могут быть сформулированы в любой мыслимой перспективе. Данное определение просто отождествляет идеальный нарратив с наиболее убедительным.

– Прагматистская трактовка идеального нарратива как руководства в действиях оказывается неприемлемой, поскольку экстраполяция прошлых тенденций в будущее — процедура рискованная и не всегда понятная, а выбор конкретного руководства зависит от этических ценностей.

– Определение идеального нарратива как «простой молекулы, состоящей из атомов», не срабатывает, потому что в нарративе невычленимы разрывы между итоговым метафорическим значением и отдельными предложениями.

– «Идеальный нарратив — стройная аргументация, с которой вынужден согласиться всякий разумный читатель, то есть логическая структура нарратива представлена “моделью охватывающих законов” — точным описанием фактов и общезначимостью причинной связи между ними». Однако для связности эпизодов повествования необязательна причинная связь — в отличие от аргументации нарратив имеет конец (неотделимую часть нарратива), а не заключение (своеобразную стенограмму рассказанного ранее).

Анкерсмит также отвергает трактовки нарратива как полного, подробного и детального описания прошлого (от повествования мы

ожидаем рассказа не обо всем вообще, а о главном); как корректного, архивариусного информирования (важны не знания нарратора, а его интерпретации); как изложения сущности фрагментов прошлого («сущностей» в прошлом нет — они возникают в нарративном представлении событий). В качестве наиболее приемлемого Анкерсмит предлагает *«формалистическое» определение* нарратива как серии единичных высказываний, в которой нас интересует не их конъюнкция или последовательность, а *обобщенное содержание* (с. 91, 95). Данное определение оптимально и для социологии, хотя в плане аналитической работы с повествованиями личного опыта следует дополнить его указанием, что нарратив — всегда дискретная единица текста с четким началом и окончанием, в которой повествование специально организовано вокруг последовательных событий и значим контекст повествования (позиция рассказчика, конкретная ситуация рассказывания, присутствие слушателя и т. д.).

Анкерсмит формулирует важное предостережение исследователям, занимающимся текстовым анализом, — не отождествлять содержание нарратива (содержание составляющих его высказываний) с его глубинной структурой (той нарративной интерпретацией прошлого, которая может быть выражена и иной серией единичных высказываний). В рамках социологической работы с нарративами данное предостережение означает, что собственно лингвистический анализ повествований не должен иметь первостепенного значения, поскольку не предполагает анализа целых нарративов в их уникальном своеобразии (с. 289). Соответственно Анкерсмит фактически переформулирует лингвистический тезис В. Лабова о наличии в любом нарративном эпизоде одновременно нарративных и «свободных», дескриптивных, предложений — в отличие от первых, вторые не имеют темпорального компонента и их перестановка не изменяет смысла повествования¹. Анкерсмит считает, что все высказывания нарратива одновременно выполняют две функции — описательную (и в этом смысле могут называться истинными или ложными) и нарративную (к которой и применим тезис о «теоретической нагруженности эмпирических фактов»). В целом нарративистская философия истории Анкерсмита исходит не из лингвистической, а из семиологической концепции текста — подчеркивает необходимость идентифицировать не лексические и грамматические категории, а иерархию кодов, созданную с помощью тропологического языка автора под влиянием культурных обстоятельств места и времени.

По мнению Анкерсмита, предложенное им определение нарратива как серии единичных высказываний приемлемо для описания любого мыслимого типа социальной действительности, однако важно

¹ См., например: [1].

помнить, что речь идет не о простой конъюнкции. Логическое отношение конъюнкции ложно, если ложно хотя бы одно из входящих в него высказываний, что совершенно неприемлемо для масштабных исторических нарративов. Вообще говорить об историческом нарративе можно только тогда, когда некоторое множество единичных высказываний становится настолько сложным, что уже не сводится к сумме их буквальных значений. В тексте возникают языковые «черные дыры» — у читателя формируются представления, которые не заложены в сами высказывания. Свойство нарратива вызывать подобное понимание сути событий при определенном насыщении его конкретными единичными высказываниями позволяет Анкерсмит вводить понятие «нарративный дискурс». Действительно, возникает некое дискурсивное знание, которое пронизывает нарративы, различающиеся по содержанию и структуре, но сходные по разделяемой их авторами интерпретации описываемых событий.

Для решения второго вопроса — о критериях истинности нарратива — Анкерсмит рассматривает целый ряд теорий истины (перформативную, прагматистскую, корреспондентскую и др.) и приходит к выводу, что само понятие истинности и/или ложности здесь неприменимо: благодаря наличию метафорического измерения, в отличие от единичного высказывания, в нарративе отсутствует устойчивое отношение к описываемому положению дел. Автор иллюстрирует это на примере научно-фантастической литературы (с. 280): несмотря на представленные в ней нарушения обычных физических законов, читатели прекрасно понимают, о чем идет речь, поскольку она безупречна с точки зрения выстраивания повествования. Предлагая использовать понятия «объективный» (вместо «истинный») и «субъективный» (вместо «ложный»), очистив их от привычных коннотаций (с. 117), Анкерсмит, по сути, опять запутывает ситуацию, которую стремился разрешить, потому что подобное «очищение» невозможно — коннотации слишком устойчивы и общеприняты.

В **последней главе** книги Анкерсмит суммирует два основных следствия из сформулированных им положений нарративистской философии: во-первых, наличие объяснительной силы у множества единичных высказываний (нет необходимости в обобщающих высказываниях); во-вторых, предпочтительность наиболее смелого и рискованного (фальсифицируемого) из двух и более конкурирующих нарративов, состоящих из истинных высказываний. Поскольку нарратив не отражает, а создает «лицо» прошлого, «само прошлое» не может быть критерием определения лучшей нарративной интерпретации — поэтому все исторические нарративы несоизмеримы (с. 293). Лучшим сумматором нарратива оказывается метафорическое высказывание, которое не может быть сведено к имеющим описательное или познава-

тельное содержание высказываниям. В этом смысле концепт нарратива снимает дихотомию объяснения и понимания в историческом исследовании (с. 325): нарратив — это объяснение прошлого на основе описаний событий и явлений. Наиболее адекватным (или наиболее «объективным», в терминологии Анкерсмита) нарративом по некоторой исторической теме является тот, область которого максимально превосходит его описательное содержание (с. 335), более того, прошлое необходимо охватывать целой сетью нарративов, благодаря частичному совпадению которых можно определять их «объективность». То есть историография в качестве отправной точки для получения исторического знания предполагает «форум историков» (с. 338): определить (относительные) достоинства нарратива можно только сравнив его с другими, и все исторические дискуссии ведутся не по поводу фактов прошлого, а по поводу их интерпретаций историками — «подобно плотине, покрытой плавучими льдинами в конце зимы, прошлое покрыто толстым слоем нарративных интерпретаций; и исторические дебаты во многом есть дебаты о компонентах этого слоя — как о прошлом, скрытом под ними» [2, с. 176].

Следует отметить тот примечательный факт, что в России в 2003 году вышло одновременно две книги Ф.Р. Анкерсмита — «Нарративная логика. Семантический анализ языка историков» и «История и тропология: взлет и падение метафоры» — хотя на западе первая из них издана на целое десятилетие раньше (1983), чем вторая (1994). Знание, в какой последовательности автор разрабатывал нарративную проблематику, предполагает сначала прочтение «Нарративной логики», а затем «Истории и тропологии», что значительно облегчает понимание второй работы. Последняя интересна в том плане, что содержит внутреннюю критику так называемого «нарративистского» направления в западной исторической теории (Артур Данто, Луи Минк и Хейден Уайт). Как и представители англосаксонской философии истории, Анкерсмит полагает, что прошлого не существует вне исторического рассказа, а основу исторической репрезентации составляет метафорический образ прошлого. Однако, в отличие от них, он уверен, что у каждого историка (и человека) есть собственное понимание *различия* между прошлым и настоящим, которое не укладывается в нарративную схему: за счет использования различных элементов описания (отступлений от основной сюжетной линии, характеристик бытовых деталей и др.) историк создает «эффект реальности» исторического повествования, сокращает дистанцию между прошлым и настоящим и делает возможными новые жанры историографии (историю ментальностей, историю повседневности, микроисторию).

Обе работы Анкерсмита очерчивают и проясняют основания аналитической работы и с нарративами личного опыта в социологическом

контексте. В качестве одного из них выступает теория метафоры: метафора синтезирует знания человека — без метафорического измерения наше представление о мире и отдельном фрагменте прошлого распалось бы на множество несвязных и трудно обрабатываемых единиц информации (с. 298); аккумулирует смысл поворотных событий в жизни человека и позволяет экономно обходиться с ресурсом памяти, то есть «эквивалентна некоей индивидуальной точке зрения, с которой нас приглашают посмотреть на действительности» [2, с. 16]. В «Истории и тропологии» Анкерсмит завершает разработку *проблематики истинности* (исторических) нарративов: нарративные интерпретации имеют природу предложений (это некие «точки зрения» на прошлое), а предложения не могут быть истинны или ложны — только полезны, плодотворны или наоборот [там же, с. 122]. Здесь же Анкерсмит более четко формулирует суть *нарративной философии истории* — она интегрирует результаты исторического исследования в границы исторического текста, акцентируя значение используемых историками лингвистических средств [там же, с. 30], — и суммирует ее ключевые положения [там же, с. 44-130]:

- единственная данная нам реальность прошлого — текст нарратива, смысл которого мы можем открывать и приумножать (герменевтический подход);
- «правильной» интерпретации не существует — ни одна интерпретация не соответствует истинному содержанию исторической реальности;
- нарративная философия согласует различные интерпретации истории через соотнесение их не с фактами, а с аргументами нарративов, то есть акцентирует значение риторического модуса текста, не связанного требованием обязательного соблюдения истины в описании референта;
- язык нарратива тропологичен и метафоричен, поэтому нарративные предложения обладают природой вещей, а не понятий: «слова нарратива – своего рода крюки, цепляясь за которые реальность входит в язык»;
- логика нарратива строго номиналистична: нарративные интерпретации могут иметь имена собственные («холодная война», «индустриальная революция» и т. д.), но не имеют экзистенциальных значений;
- нарративные интерпретации со временем могут получить всеобщее признание и стать частью обычного языка, превратившись в понятие, модель (что совершенно очевидно в социологическом знании);
- нарративы выполняют одновременно функции описания прошлого и идентификации того, как оно интерпретируется: отдельные

утверждения нарратива имеют буквальное значение (хроника), но в совокупности — метафорическое, поскольку нарративный текст есть тип дискурса историка, с помощью которого устанавливаются отношения тождества между событиями прошлого и типами рассказов, наделяющих их значением.

Таким образом, обращение к концепту нарратива показывает, что, в частности, историческая и социологическая науки не просто занимаются познанием прошлых и современных процессов, но создают образы мира, несущие определенную идеологическую нагрузку. В отличие от истории, где речь в большей степени идет о нарративах историков (за исключением метода устной истории), в социологии понятие нарратива чаще характеризует речевую деятельность информантов. Анкерсмит упоминает текстуальные особенности биографических нарративов, отмечая, что самоидентичность — нарративное понятие (с. 261): она не заключена в каком-то свойстве человека, в его телесной непрерывности, непрерывности памяти или сознания, но присутствует в совокупности высказываний о его переживаниях и в готовности дополнять и изменять эту совокупность — образно говоря, все мы «с юности делаем титанические усилия, чтобы собрать, сложить свое “я” из случайных, чужих, подобранных жестов, мыслей, чувств, чтобы... обрести полноту самих себя» [3].

Целостное восприятие «Нарративной логики» в значительной степени зависит от «дисциплинарной» принадлежности ее читателя — оценки историка, лингвиста, социолога или философа могут значимо варьироваться. Однако предложенная логика рассуждений о критериях истинности исторического сочинения может быть эксплицирована на любые повествования (в частности, социобиографические данные), и в этом несомненная ценность рассматриваемой работы, задающей систему теоретико-методологических координат аналитической работы с повествованиями любого типа и происхождения. Избранный Анкерсмитом «синтетический» подход позволяет понять и преодолеть множество методологических проблем, «которые в чистом виде представляет историография и которые терзают социальные науки» (с.16]). Так, например, трактовка нарратива как механизма из множества составных частей совпадает с предложенным В. Лабовым структурным анализом нарративов, который на сегодняшний день наиболее популярен и общепринят в социологии, и подводит под него необходимое логическое и философское обоснование.

Безусловно, к работе Анкерсмита можно предъявить целый ряд критических замечаний: автор считает нарративом лишь историческое повествование, хотя непонятно, почему только оно в состоянии субстантивировать прошлое (биографический нарратив в этом смысле мало уступает историческому); игнорирует возможность рассказа о

вымышленных событиях в описательных исторических нарративах; убедительно отказывая целому нарративу в праве быть «картиной» прошлого, считает, что его единичные высказывания имеют прочные референтные связи с реальностью, которую описывают; идеализирует суть исторических дискуссий — содержание многих из них сводится к ним самим, а не к поиску истины факта; отказываясь от психологического подхода в пользу логического, разрабатывает безупречный формально-логический аппарат, но не затрагивает проблем темпоральности и ее восприятия в историческом повествовании [4] и т. д. Тем не менее эти критические замечания не имеют принципиального значения, если читатель ориентирован на получение нового знания, а не на рецензирование самой работы. И тогда можно уверенно сказать, что, книга, например, во многом проясняет преимущества и проблемные вопросы работы с нарративами личного опыта в социологическом исследовании. Кроме того, нельзя не отметить, что книги Анкерсмита отличает строгая и ясная манера изложения, академичность (он не придумывает понятий с ранее неизвестным содержанием) и системность мышления — автор анализирует многочисленные инструменты построения истории от романного письма до психолингвистики и аналитической философии, рассматривает практически весь интеллектуальный контекст, в котором формировалась европейская философия на протяжении последних столетий, делая отсылки к сочинениям Канта, Гегеля, Фрейда, Гадамера, Барта и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Labov W.* Uncovering the event structure of narrative / Georgetown University. 2001 [online] <<http://www.ling.upenn.edu/~labov/uesn.pdf>>.
2. *Анкерсмит Ф.Р.* История и тропология: взлет и падение метафоры / Пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Кашаева. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
3. *Улицкая Л.* Люди нашего царя. М.: ЭКСМО, 2005. С. 7.
4. *Franzosi R.* Narrative analysis — or why (and how) sociologists should be interested in narrative // *Annual Review of Sociology*. 1998. Vol. 24. P. 530.

И.В. Троцук,
кандидат социологических наук